

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

УДК 94(47)"6/9":321(045)

**ВОЖДЬ-ХАРИЗМАТИК ДРЕВНИХ СЛАВЯН:
САКРАЛЬНЫЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОРЫ***В.В. Пузанов***Аннотация**

Предпринимается попытка реконструкции сакральных функций вождя у древних славян, выявления элитных качеств и факторов, способствовавших достижению высокого социального статуса. Особое внимание уделяется происхождению такого распространенного в древности явления, как признание власти иноэтнического правителя.

Великий славянский мыслитель XVII столетия, ярый поборник свободы и единения славян Юрий Крыжанич, писал в сердцах: «Все народы проклинают чужевладство, признают его одним из наихудших зол и несчастий и считают его самым большим позором. Одни лишь мы, славяне, этого не понимаем»¹. Действительно, уже первые известия о славянах содержат сведения о предводительствовавших ими иноплеменниках. Известно подобное явление и в более позднее время. Среди первых встречающихся в источниках имен славянских вождей точно не были славянами Ильдигис и Само. Из пяти дошедших до нас имен представителей антской аристократии (Боз, Келагаст, Мезамер, Идаризий, Дабрагез) ни одно «не получило пока достоверной славянской этимологии»². Не все ясно и со «склавинскими» именами (Пирогост/Пирагаст, Ардагаст, Даврит/Даврентий)³. Возможно, что ни одно из сохранившихся *антских* и *склавинских* имен не имеет славянской этимологии, а в славянском именослове преобладают заимствования из германского именослова⁴. Впрочем, это могло быть следствием именно заимствования имен⁵, имевшего тогда сакральное происхо-

¹ Крыжанич Юрий. Политика. – М., 1997. – С. 205.

² См.: Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. – М.; Л., 1962. – С. 62–63; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. (IV – VI вв.). – М., 1994 (далее – Свод 1). – С. 296–302 (коммент. 2), 328–336 (коммент. 16).

³ См.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. (VII – IX вв.). – М., 1995 (далее – Свод 2). – С. 45–47 (коммент. 17), 59 (коммент. 121), 349–350 (коммент. 66).

⁴ См.: Рассадин С.Е. Древнегерманские элементы в именослове раннего славянства IV – VI столетий после Рождества Христова // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья: Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 8. – С. 249–258.

⁵ Там же.

ждение. Имя и человек представлялись неразрывно связанными, поэтому судьба человека напрямую зависела от данного ему имени. Германцы в раннем средневековье были удачливее славян. Поэтому те, заимствуя германские имена, стремились привлечь на свою сторону *удачу/счастье*. Неслучайно готы, если верить Иордану, заимствовали «имена гуннские»¹: гунны были победителями готов. Иными словами, заимствовались имена у «престижных» этносов.

В сакральной плоскости следует искать и истоки института добровольного признания власти иноплеменника. Как показывают исследования, в древности наиболее значимой функцией вождя была сакральная², поскольку «в ранних обществах монарх – не столько продукт социального развития, сколько персонаж ритуальный. С этим связана сакрализация личности владетеля как средоточия космического порядка и воплощения подвластного ему коллектива»³. Вождь в народном сознании наделялся магической силой, от которой зависело благополучие его подданных. Эта сила могла передаваться как по родовой линии, так и посредством насильственного завладения через убийство ее обладателя; победитель, по тогдашним воззрениям, превосходил своего предшественника в *счастье*⁴. Возможно, одним из самых ранних известий об этом является смутное сообщение Псевдо-Кесария о славянах, которые «живут в строптивости, свое нравии, безначалии, сплошь и рядом убивая, (будь то) за трапезой или в совместном путешествии, своего предводителя и начальника...»⁵. Более красноречивы свидетельства позднейших времен. Вспомним хотя бы князя Владимира, погубившего Ярополка⁶, или Генриха Бодрицкого, убившего на пиру короля Крута⁷. Причем победители унаследовали не только власть и страну, но и жен побежденных. Последнее обстоятельство, видимо, являлось важным маркером победы и одним из условий легитимации нового статуса победителя. Возможно, перед нами отголосок древнейшего инстинкта борьбы за женщину, которая доставалась победителю. Вероятно, за всем этим скрывается сакральное действие. Если княгиня, по понятиям того времени, символизировала *землю*, а князь – *власть* (т. е. обладание *землей*), то женитьба на жене побежденного правителя могла символизировать переход власти над *землей* к победителю (своеобразный бесконфликтный брак с *землей*, а не силовое завладение ею).

Сакрализация власти правителя обусловила воззрения, согласно которым вождь обеспечивал защиту своим подданным. Например, по представлениям франков, народ выбирал короля, чтобы находиться под его защитой⁸, которая обеспечивалась особой *удачей, счастьем* монарха⁹.

Подобное отношение к личности вождя – универсальное явление на данной стадии развития. Поэтому смерть вождя была трагедией для племени и вела не-

¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). – СПб., 2000. – С. 58–59.

² Мы не касаемся вопроса об отношении князя к жреческим функциям.

³ Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. – Киев, 1992. – С. 15.

⁴ См.: Пузанов В.В. У истоков восточнославянской государственности // История России: Народ и власть. – СПб., 1997. – С. 16.

⁵ Свод I. – С. 254.

⁶ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М., 1997. – Т. I. – Стб. 75–78.

⁷ Гельмольд. Славянская хроника. – М., 1963 (далее – Гельмольд). I, 34.

⁸ Григорий Турский. История франков. – М., 1987 (далее – Григорий Турский). II, 40.

⁹ Так, по словам Григория Турского, «Господь наделил Хлодвига такой небесной благодатью, что при одном его взгляде стены сами собой рушились» (там же. II, 33).

редко к плачевным последствиям¹. Избежать таковых можно было с помощью мер чрезвычайных, подобных тем, которые приняли в 945 г. Ольга и киевляне после гибели Игоря в Древлянской земле; они принесли страшную «гекатомбу» из древлян². Жертвоприношение должно было помочь им вернуть благосклонность богов, *счастье*.

Считалось, что удача вождя передается войску и теряется с его гибелью. Поэтому гибель вождя была равнозначна поражению³. В силу таких воззрений, в древности боялись не столько многочисленных армий, сколько удачливых полководцев⁴. Наши далекие предки не являлись исключением, о чем свидетельствуют как византийские⁵, так и западноевропейские авторы⁶. При этом сами информаторы не меньше славян верили, что доблесть целой державы, даже такой, как Византийская империя, может уступать доблести одного мужа⁷. И это неудивительно: ведь император, король, князь или герцог и т. п. – не простые люди. Страх перед ними отличен от страха современного человека перед представителями власти. Тот страх был мистическим. Показателен в данной связи рассказ Саксона Грамматика о событиях XII в., связанных с нападением датчан и ранов на Поморскую Острожну. В ходе битвы ранский князь Яромир погнался за двумя поморянами и сразил одного копьем. Второй попытался отомстить за товарища, но, увидев, что поднял руку на ранского князя, «благословенно отбросил копье в сторону и пал ниц»⁸.

Наглядно представления об особой, сакральной сущности правителя характеризует следующий случай. Когда саксонский герцог Генрих Лев на сейме в Эртенбурге «обратился к славянам с речью о христианской вере», князь бодричей Никлот ему сказал: «Бог, который на небесах, пусть будет твой бог, а ты будь нашим богом, и нам этого достаточно. Ты его почитай, а мы тебя будем почитать»⁹. Таким образом, герцог здесь в представлении славян выступает как божественный посредник высшего божества.

Христианские представления о богоизбранности монарха медленно разрушали прежнее языческое содержание. И в христианском средневековье особа князя, короля, императора настолько священна, что противостоять ей простому смертному трудно, если вообще возможно. Даже князья-язычники были не по зубам простым воинам-христианам. Когда саксонскому воину Госеду удалось обезглавить одного из полабско-славянских князей – Стоинефа, обессиленного

¹ Например, кончина Германариха позволила «хуннам получить перевес над... остроготами». Приемник, Амал Винитарий, уступал «Херманариху в счастье» (*Иордан. О происхождении и деяниях гетов // Свод 1. – С. 112–113*).

² ПСРЛ. Т. 1. – Стб. 55–60.

³ Конечно, в истории имели место исключения. Напр., франки, увидев, что их Хлодомер убит, «собрались с силами, обратили в бегство Годомара, разбили бургундов и подчинили страну своей власти» (Григорий Турский III, 6).

⁴ См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкции. – Ижевск, 2007. – С. 126–127.

⁵ Прокопий Кесарийский. История войн // Свод 1. – С. 178–181, 194–197.

⁶ Павел Диакон. История лангобардов // Свод 2. – С. 488–489.

⁷ См. напр.: Прокопий Кесарийский. История войн. – С. 178–181. См. подр.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... – С. 126–127.

⁸ См.: Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. – М., 1855. – Т. 1. – С. 124.

⁹ Гельмольд. I. 83. – С. 188.

сражением и безоружного, это было воспринято окружающими как небывалая удача¹.

Со смертью правителя наступал хаос, нарушался устоявшийся космический порядок². Болезнь правителя ассоциировалась с заходом солнца, с сумерками, тогда как выздоровление – с восходом солнца³. Возможно, в Древней Руси бытовали представления о происхождении правящего княжеского рода от Дажьбога – бога солнца⁴. Связь князей с солнцем подтверждается метафорическими сближениями в древнерусской литературе и былинах солнца с князем⁵. Вряд ли это было внешним заимствованием, поскольку, как показал А.П. Толочко, «мотив солнца, а вернее – света, исходящего от князя к людям, слишком часто встречается в литературе... Свет княжий... подобен божественному свету, по сути, является его эманацией. Князь – транслятор этого божественного света людям. Божественный свет... является атрибутом Христа, следовательно, князь в определенном смысле является сверхчеловеком, полубогом»⁶.

Конечно, книжные конструкты трансформировали языческие воззрения применительно к христианским требованиям. В более чистом виде старые представления сохранялись в народном сознании, как следует из фольклорной традиции. Метафорическое сближение в былинах с солнцем и богатыря свидетельствует об архаическом явлении: общей сущности в глубокой древности *богатырства/хоробрства*, с одной стороны, и *знатности/власти* – с другой.

Поскольку вождь обеспечивал сакральную защиту земли и народа, то в древности победа над противником – это прежде всего победа над его вождем. Поэтому противоборствующие стороны пытались «обезглавить» друг друга посредством физического устранения вождя. Напротив, победа не будет полной, даже если противник разбит наголову, но его вождю удалось спастись. Показательны параллели в рассказах о противостоянии Тиадорика с Ирминфридом (Видукинд Корвейский) и сыновей Святослава Игоревича (ПВЛ). Так, взяв город Скитинг, в котором засел Ирминфрид, союзные Тиадорику саксы «всех взрослых предали смерти <...> Так как для полноты победы необходимо было присутствие короля, то есть Ирминфрида, то стали его искать, но узнали, что он с женой, детьми и небольшой свитой уехал»⁷. Вскоре Тиадорику ложными обещаниями удалось завлечь и погубить Ирминфрида⁸.

Борьба за власть между Святославичами также сопровождалась истреблением братьев. Когда Ярополк, разбив войско Олега, ворвался в Овруч, то первым делом озаботился поиском брата. Владимир, заняв Киев, не мог считать себя победителем до тех пор, пока оставался в живых Ярополк. Подобно Тиадорику,

¹ Видукинд. III. 55. – С. 188-189.

² А.Я. Гуревич предположил, что «в момент смерти правителя наступал временной hiatus, своего рода “дырка во времени”», предельно опасная для его подданных (см.: Гуревич А.Я. 1) «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя // Одиссей. Человек в истории. 2003. – С. 221–241; 2) Конец света или карнавал? Ответ М.А. Бойцову // Там же. – С. 250–255.)

³ См., напр.: Видукинд. III. 62. С. 190.

⁴ Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб., 1995. – Т. 2. Г–И. – С. 80–81.

⁵ См.: Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 361–362. Ср.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». – Т. 2. – С. 81.

⁶ Толочко О.П. Русь: держава і образ держави. – Київ, 1994. – С. 18–19.

⁷ Видукинд. I, 11.

⁸ Там же. I, 12.

Владимир обманом завлек к себе противника и погубил его¹. Имелось и отличие – Тиадорик сам пал жертвой своей интриги, тогда как Владимир благополучно дожил до старости и умер собственной смертью. Подобных историй можно найти немало². Не случайно ритуальное убийство пленных, символизировавшее в язычестве благодарность богам за победу, считалось тогда полноценным, когда в жертву приносился и вождь побежденных³.

Таким образом, по понятиям варварского и средневекового общества порой народы и целые державы не могли сравниться в доблести с отдельными выдающимися полководцами, а *счастье* народа и государства зависело от *счастья* вождя. Вождь защищал и *народ*, и *землю*. Поэтому вождем могли сделать и иноплеменника, если он обладал доблестью и удачей в большей мере, чем соплеменники. Характерна, например, судьба Ильдигиса, выходца из лангобардского королевского рода, бежавшего к склавинам и предводительствовавшего ими в битвах⁴. Одно из антских объединений, согласно Прокопию из Кесарии, думая, что у него в руках оказался неоднократно побеждавший славян византийский полководец Хилвудий, готово было принять предложенный императором мир на условии, что тот даст им Хилвудия в «качестве сооснователя»⁵.

Некоторые из таких баловней фортуны могли стать князьями крупных племенных объединений. Классический пример – судьба франкского купца Само, возглавившего первый, пожалуй, устойчивый суперсоюз племен на славянской почве. Отправившись в первой половине 20-х гг. VII в. по торговым делам к славянам, начавшим восставать против аварского ига, Само принял участие в одном из походов. «...И там столь большая доблесть (*utilitas*) проявилась в нем против гуннов (аваров. – *В.П.*), что было удивительно, и огромное множество их было уничтожено мечом винидов. Узнав доблесть Само, виниды избрали его над собой королем». И впоследствии «благодаря его совету и доблести виниды всегда одерживали над гуннами верх»⁶.

На страницах Хроники Фредегара предстает ярко выраженный тип сакрального военного вождя. И ведет он себя подобающим образом: имеет «12 жен из рода славян», родивших ему 22 сына и 15 дочерей⁷. Возможно, жены Само являлись дочерьми вождей племенных союзов, объединившихся под его властью⁸. Это могло символизировать сакральную связь вождя с территориями всех, если так можно выразиться, субъектов сформировавшегося суперсоюза и, как следст-

¹ ПСРЛ. Т. 1. – Стб. 74–78.

² Например, действия Хлодвига, Миндовга

³ См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... – С. 132–133.

⁴ Прокопий Кесарийский. История войн. – С. 188–191.

⁵ Там же. С. 184–185. – Факт, что несостоявшийся «сооснователь» оказался Лжехилвудием, не меняет сути дела, ведь анты его принимали за «истинного» (подр. см.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... – С. 66–67.)

⁶ Хроника Фредегара. – С. 366–367.

⁷ Там же. – Такая «плодовитость» Само – тоже показатель его особого *счастья*, особого расположения богов.

⁸ Такое явление известно для тюркской традиции, которая могла быть заимствована славянами при посредничестве аваров. Например, по словам Ибн-Фадлана, «обычай (правило) царя хазар (тот), что у него двадцать пять жен, (причем) каждая жена из их числа – это дочь кого-либо из царей, соперничающих с ним, которую он берет (себе) волей или неволей» (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М.; Л., 1939. – С. 84–85). Впрочем, эта традиция могла иметь у славян еще индоевропейские корни.

вие, сакральное единство территории последнего, персонифицируемое в Само и его женах.

Возвышение храброго воина не является специфическим славянским феноменом. Подобное явление, видимо, широко было распространено в древности. Например, еврейско-хазарское предание об источнике царской власти у древних хазар поразительно напоминает историю Само¹. И в более поздние времена известны случаи принятия на княжение иноплеменников и у западных², и у восточных славян. Хрестоматийно летописное предание о призвании Рюрика. Даже если это вымысел летописца, сам он, видимо, как и возможные читатели его труда, не сомневались в реальности подобного призвания.

Таким образом, личное мужество и храбрость, умение повести за собой воинов, мудро разрешить запутанную или спорную ситуацию³ и т. п. – вот те качества, которые обеспечивали в древности достижение высокого социального статуса. Выдающиеся способности, являвшиеся в глазах людей того времени свидетельством благосклонности богов, были первичным трамплином к достижению статуса вождя (князя, короля и т. п.). И лишь со временем главную роль в этом станет играть наследственность (знатность). Трудно сказать, когда это происходит⁴. Но уже древние славяне почитали знатность рода. Вспомним Драговита, далеко превосходившего «всех царьков (regulis) вильцев и знатностью рода и авторитетом старости...»⁵. Или Мезамера, посланца антов к аварам, который характеризуется как «сын Идаризия, брата Келагаста»⁶. Может быть, поэтому преданий, связанных с занятием престола с помощью личной отваги, сохранилось не так и много, поскольку дошедшие до нас генеалогические легенды опирались уже на устоявшиеся принципы легитимации власти, определяемые знатностью происхождения, с сопутствующими таковому «благородными» качествами. Среди последних первейшую роль играла опять-таки храбрость. Благородство происхождения и воинская доблесть – взаимообусловленные качества. Вследствие этого понятия *выдающийся полководец* и *храбрейший воин* были взаимосвязанны: выдающийся полководец не мог не быть и храбрейшим воином. Наиболее же храбрыми и доблестными были самые знатные – вожди (император, король, князь)⁷.

При таком взгляде на вождя (князя, короля и т. п.) этнический фактор действительно отходил на второй план. Поэтому современные исследователи не столь категоричны, как Юрий Крыжанич. Более того, популярно мнение, согласно которому «в условиях формирования ранних государств установление

¹ См.: Новое издание и новый перевод текста Шехтера // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. – Москва; Иерусалим, 1997/5757. – С. 138 (л. 1, 7–12), 140 (л. 1 об., 18–19; л. 2, 2–3).

² Например, в 60-е гг. X в. Вихман возглавлял поморян и велетов, ведя победоносные войны с соседями. – Видукинд, III. 66.

³ *Мудрость* почиталась самым элитарным качеством (см.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... – С. 564–573.)

⁴ Здесь не могло быть какой-то жесткой грани. Перечисленные факторы достижения высокого общественного статуса сосуществовали длительное время.

⁵ *Анналы королевства франков* // Свод 2. С. 471, коммент. 7.

⁶ Свод. 1. – С. 317.

⁷ См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... – С. 130.

власти иноэтничных правителей и сложение знати на полиэтничной основе было скорее правилом, нежели исключением»¹.

Утверждение, в общем-то, верное, но... Трудно, например, представить в эпоху раннего средневековья славянина в качестве скандинавского конунга, да и вообще, во главе германцев, скажем, или тюрков. И у славян, судя по всему, представитель далеко не каждой этнической общности имел шансы на роль вождя. Существование такого явления, как добровольное признание власти иноплеменников, передача им статуса правящей элиты, обуславливалось, судя по всему, в первую очередь двумя факторами: 1) особенностями традиционного мышления, склонного к сакрализации власти вождя, к вере в особую удачу избранных богами личностей; 2) иерархией этнических общностей – с точки зрения престижности принадлежности к ним².

Summary

V.V. Puzanov. The Old Slav's Charismatic Chief: Sacral and Ethnic Factors.

An attempt is made to reconstruct the sacral functions of old Slav's chief, to expose the elite qualities and factors promoting the achievement of high social status. Special attention is given to the phenomenon of recognizing a ruler from other ethnic group.

Поступила в редакцию
07.10.07

Пузанов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Удмуртского государственного университета.

¹ См.: Мельникова Е.А. Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати // Элиты и этнос средневековья. – М., 1995. – С. 43; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). – М., 1999. – С. 71 и др.

² См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... – С. 564–573.